

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ДЕЛА ИЛЬ ПУСТЯКИ
ДАВНО МИНУВШИХ
ЛЕТ

Петр Вяземский

**Дела иль пустяки
давно минувших лет**

«Public Domain»

1874

Вяземский П. А.

Дела иль пустяки давно минувших лет / П. А. Вяземский —
«Public Domain», 1874

Воспоминания о Грибоедове.

© Вяземский П. А., 1874

© Public Domain, 1874

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Петр Вяземский

Дела иль пустяки давно минувших лет

Премного благодарю вас, любезнейший Михаил Николаевич, за присылку мне сентябрьской книжки «Русского вестника». В ней напечатана статья о «неизданных пьесах Грибоедова». А как в одной из помянутых пьес есть и мое участие, то вы, но любознательности своей, желаете иметь от меня справки и объяснения по этому делу. Не могу не повиноваться требованиям вашим: вы отец и командир всей пишущей грамотной и полуграмотной братии нашей, как строевой и наличной, так и бессрочно-отпускной и инвалидной. Вы не только начальник главного управления по делим печати живой и нынешней, но и мертвой, вчерашней, третьегодняшней, и едва ли не допотопной. Трудолюбивый, неутомимый изыскатель по русской части биографической и библиографической, вы все прочуяли, переведали, пересмотрели, до всего добрались и продолжаете добираться. От ваших истинно цензорских, то есть сотенных Аргусовых глаз ничто печатное донныне, и чуть ли не все писанное, не ускользнуло. Всеведение и память ваша изумительны. На ловца и зверь бежит. Вот нечаянно попалося вам на глаза давным-давно забытое, да и в свое время мало известное, и, можно сказать, случайное произведение Грибоедова: «Кто брат? Кто сестра?», и вы сейчас производите, хотя и по остывшим от времени следам, дознание, чтобы определить, как, когда и при каких обстоятельствах оно возникло и совершилось. Из всех ответчиков и свидетелей по этому делу чуть ли не я один налицо из числа всех живущих на земле. Присягнув пред вами, что я буду говорить правду и одну правду, начинаю показание свое. Но извольте принять в соображение, что с того времени прошло несколько законных и крупных давностей; следовательно, могу передать только то, что помню и что уцелело в памяти моей под спудом, ныне неожиданно пробужденной вашим вопросом и предъявленными уликами. Теперь к делу, но с маленьким предисловием.

Литература наша в настоящее время переродилась в Чичикова. Вероятно, за неимением живых, наличных душ, она принялась промышлять мертвыми. Везде, где бы то ни было, у кого бы то ни было, скупает она мертвые души, выгребает их из могил и закладывает в разные журнальные банки. Иные из этих операций хорошо и блистательно удаются, но далеко не все. Другие проваливаются, за недостатком достоверных и законных свидетельств, за неблагонадежностью лиц, представляющих эти залогов. Впрочем, это дело банков – быть осмотрительными и строго контролировать свои кредитные распоряжения. Жаль только, что частые несостоятельности и ложные документы могут подрывать доверие публики к подобным сделкам. Впрочем, и то сказать, публика наша такая благонравная, такая целомудренно-доверчивая, что за нее печалиться нам не для чего. Один тесть говорил про зятя своего: «Мой зять прекрасный человек; что ни поставь перед ним – все съест». Наша публика сродни этому зятю.

Как бы то ни было, я никогда не думал и не гадал, чтобы по истечении полустолетия вынырнуло из театральных подвалов дитя почти мертворожденное и вскоре погребенное. Мне казалось, что, не удержавшись на сцене, оно вовсе и безвозвратно погибло. Не тут-то было. Выходит, что французская поговорка: «Discret comme la tombe»¹ не всегда верна. В наше время и могилы сделались очень нескромными и болтливими.

Во время оно и я был присяжным московским театралом. Привычка к театру есть род запоя. В известный час после обеда заносит какой-то червь в груди; дома не сидится; покидаешь чтение самой занимательной книги, отрываешься от приятного и увлекательного разговора и отправляешься в театр, чтобы в креслах своих смотреть на посредственных актеров и

¹ Молчаливый, как могила (фр.).

слушать скучную драму. Московская труппа была так себе. Больших талантов, и в особенности образованных актеров, тогда не было. Репертуар, как и вообще весь русский репертуар, был слаб и скуден. Нас, между прочим, забавляло смотреть, как некоторые из актеров, на сцене, в самом пылу действия или любовного объяснения, одним глазом ни на минуту не смигнут с директорской ложи, чтобы видеть, доволен ли игрою их Аполлон Александрович Майков, тогдашний директор театра. Но нас, на ту пору блестящую московскую молодежь, привлекал в особенности балет, пламенно воспетый Денисом Давыдовым, в лице красавицы Истоминой, и удостоенный похвальным отзывом в «Евгении Онегине». Когда говорю балет, то должно под ним скорее разуместь разнохарактерный дивертисмент. Тут подлинно в разнообразных плясках являлись красивые грациозные талантливые танцовщицы. Это была своего рода поэзия. Кроме помянутой царствующей Истоминой было несколько блестящих личностей: в числе их назову Новикову, живую, увлекательную, черноглазую и густо-черноволосую цыганочку. Особенно памятен мне один дивертисмент, под названием, кажется, «Семика». Тут на выбор подобрано было все что ни есть лучшего в московском театре по ведомству пляски и пения. Молодой Лобанов в роли цыгана, с черною бородою и в ярко-красном архалуке, приводил в восторг всю публику от кресел до райка своими эксцентрическими и неистовыми коленцами. Тогда канкан не был еще изобретен, и мы беспорочно довольствовались некоторою отвагою в движениях. Со славою Лобанова соперничал, помнится, какой-то Лебедев, не принадлежавший московскому театру, но «со стороны» участвовавший в «Семике» как песельник. Голосом своим он звонко заливался, руки его, вооруженные ложками, фейерверочно вертели ими; ноги его так прытко изворачивались вприсядку, и все тело его так изгибалось и трепетало, что он был живой и превосходный образец беснующегося. В один из проездов через Москву государя Александра Павловича театральная дирекция вздумала угостить его «Семиком». Но он вообще не охотник был до эксцентрических изъятий и выказал мало сочувствия разгулу и дикой поэзии «Семика». Напротив, узнав, что беснующийся ложечник – служащий писарь по какому-то военному ведомству, он остался очень недоволен: приказал, чтобы сей артист-дилетант вперед не осмеливался показываться на сцене, а военному начальству его сделан строжайший выговор за допущение подобного безобразия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.